

Ю. М. ЛОТМАН

**ЧЕРТЫ РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЗИЦИИ КАРАМЗИНА
1790-х гг.**

(к генезису исторической концепции Карамзина)

Политическая позиция Карамзина 1790-х гг. изучена все еще недостаточно. В особенности это справедливо, когда речь идет не о воззрениях и симпатиях, нашедших свое отражение в тех или иных литературных произведениях, а об анализе реального места Карамзина в политической жизни России 1790-х гг. Основная причина этого — отсутствие документальных материалов, которые могли бы пролить свет на этот вопрос. От обширного, как можно полагать, документального фонда Карамзина тех лет дошли лишь случайные обломки: почти никаких следов личного архива (можно полагать, что существовали дневники, записные книжки, выписки из прочитанных книг и проч.), незначительная часть эпистолярного наследия. Естественно, что в этих условиях основным источником для суждений делаются печатные литературные произведения. Однако следует учитывать то, что в силу печатного характера этого источника в нем могло отразиться далеко не все, а в результате его литературной природы само отражение было не прямым и автоматическим, а художественно опосредованным. Пользоваться таким источником приходится с максимальной осторожностью, помня, что перед нами не сборники цитат, подготовленных автором для будущих исследователей, а органическое целое, построенное по своим внутренним законам. Поскольку по характеру поставленной нами задачи мы будем реконструировать на основании художественного текста некоторую затекстовую реальность, нам придется прибегать к методам дешифровки.

Всякое подлинно художественное произведение многопланово. С разными группами читателей оно говорит по-разному. Особенно это существенно для таких произведений, как «Письма русского путешественника». Для того, чтобы восстановить непонятное одним читателям и очень хорошо понятное другим, нам

придется прибегать к детальному комментированию отдельных текстов.

Отношение Карамзина к реальной расстановке общественных сил в России конца XVIII в. рисуется обычно в следующем виде: сближение с новиковским кружком в 1780-е гг., затем разрыв, после которого наступает изоляция. Если мы можем указать круг личных и, отчасти, литературных связей Карамзина после возвращения из-за границы, то место его среди политических лагерей России той эпохи представляется совершенно неясным. Карамзин 1790-х гг. — одинокий мечтатель и сентиментальный меланхолик, который вдруг каким-то непонятным скачком превращается в 1802 г. в издателя «Вестника Европы» — пытливого наблюдателя и умного знатока европейской политики. Столь же неожиданно превращается он в 1811 г. в автора «Записки о древней и новой России».

Однако имели ли место такие резкие переходы в самом деле? Не подменяем ли мы подлинную эволюцию Карамзина сменой его литературных поз, настойчиво преподносимых читателю? Конечно, каждая литературная поза содержит какую-то проекцию реальной личности автора. Однако проекция — не личность во всей ее полноте. Нас же сейчас будут интересовать те аспекты, которые оставались в тени.

«Письма русского путешественника» закрепили в сознании читателей образ Карамзина как «русского путешественника» — любознательного визитера, посетителя достопримечательных мест и исторических памятников, собеседника философов и писателей, неглубокого, чувствительного, то прикидывающегося «северным скифом», вторым Анахарсисом, то вдруг обнаруживающего почти энциклопедическую осведомленность в самых различных сторонах истории, общественной жизни и культуры европейских стран. Создание такой маски повествователя входило в литературный расчет Карамзина. Бесспорно, что образу этому он отдал определенную часть своей личности, реальных впечатлений и что такие эпизоды, как описание встречи с Кантом или беседы с Виландом, вполне могут занять место в биографии Карамзина, а не только в пересказе литературных странствий его героя. Однако в целом «Письма русского путешественника» в качестве биографического источника весьма ненадежны.

Кроме описания реальных событий, свидетелем которых Карамзин был в действительности, в «Письмах русского путешественника» встречаются и эпизоды, имеющие чисто литературное происхождение. Так, в одном из писем из Парижа (главка «Тюльери») Карамзин описывает праздник Ордена св. Духа, свидетелем которого он, по его словам, был. Эпизод этот вызывает сильные сомнения: во-первых, хотя Карамзин не указывает даты праздника, высчитать ее нетрудно: духов день — день, в который совершалось орденское торжество, в 1790 г. приходился на 25 мая. Поскольку 4 июня 1790 г. Карамзин написал

Дмитриеву письмо уже из Лондона,¹ то 25 мая он должен был быть в дороге. Самое же поразительное, что этот праздник, «очевидцем» которого был «русский путешественник», в 1790 г., как кажется, вообще не состоялся. Традиционно церемония совершалась в Версале, где ее и видели в последний перед революцией раз в 1789 г. Е. Ф. Комаровский и советник русского посольства Мошков.² Последний, безусловно, и рассказал о своих впечатлениях Карамзину, а Карамзин ввел в «Письма» как лично пережитый эпизод, перенеся действие в Париж, куда к этому времени вынуждена была переехать королевская семья.

Подобных эпизодов можно было бы привести целый ряд.³

Особенно ясно свобода, с которой Карамзин обращается с реальными обстоятельствами своего заграничного «вояжа», проявилась в датировках. Так, последнее письмо из Лондона помечено сентябрем 1790 г. Однако документально установлено, что Карамзин прибыл в Петербург из Кронштадта 15 июля 1790 г.⁴ В «Письмах русского путешественника» выезд из Женевы датирован точно: «Вот последняя строка из Женевы! — Марта 1».⁵ Однако письма Карамзина к Лафатеру документально подтверждают, что на самом деле он выехал из Женевы 14 марта 1790 г. Расхождение не может быть объяснено разницей в русском и европейском календарях: дав в Паланге двойную дату, Карамзин в дальнейших записях переходит на европейский календарь, которым, естественно, пользуется и помечая письма к Лафатеру (из Женевы в Цюрих).

Рассмотрение эпизодов «Писем русского путешественника» в их отношении к реальным событиям позволяет выделить четыре категории:

1. Эпизоды, в которых реальность отразилась без каких-либо существенных сдвигов.

2. Эпизоды, имеющие полностью книжное происхождение или целиком обязанные авторской фантазии, но описанные как якобы реально случившиеся.⁶

¹ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 13—14.

² См.: *Комаровский Е. Ф.* Записки. СПб., 1914, с. 8.

³ Отсылаем читателя к комментариям в кн.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника (в печати).

⁴ См.: *Шторм Г. П.* Новое о Пушкине и Карамзине. — Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, 1960, т. XIX, вып. 2, март—апрель, с. 150.

⁵ *Карамзин Н. М.* Избр. соч. в двух томах. М.; Л., 1964, т. 1, с. 330. В дальнейшем «Письма русского путешественника» цитируются по этому изданию, ссылки даются в тексте.

⁶ Так, эпизод со слугой-самоубийцей, якобы рассказанный путешественнику его слугой Бидером, другом покойного, на самом деле заимствован из парижских газет и произошел еще до приезда Карамзина в Париж. Рассказывая этот эпизод, Карамзин отнес его ко времени своего пребывания в столице Франции: «Однажды Бидер пришел ко мне весь в слезах и сказал, подавая лист газет: „Читайте!“ Я взял и прочитал следующее: „Сего мая 28 дня в 5 часов утра, в улице Сен-Мери застрелен слуга господина **“» (489). На самом деле французские газеты

3. Эпизоды, которые Карамзин хотел полностью скрыть от читателей и которые восстанавливаются лишь с помощью реконструкций.

4. Эпизоды, *частично* рассказанные Карамзиным и также нуждающиеся в реконструкции.

Мы полностью опускаем пункты «1» и «2», поскольку для нашей темы они имеют наименьшее значение. Центральными в пункте «3» будут масонские связи Карамзина за время его «вояжа». Вопрос этот в момент возвращения автора из-за границы сделался предметом интереса гонителей Новикова. Все связи этого рода сделались криминальными, и Карамзин вынужден был их тщательно маскировать. Основным здесь будет, конечно, отношение Карамзина в это время к А. М. Кутузову. Не менее существен для нашей темы пункт «4», который будет затрагивать широкий круг вопросов, связанных со многими зарубежными встречами Карамзина, о которых, как можно полагать, он рассказал далеко не все.

Если верить «Письмам русского путешественника», то Карамзин с Кутузовым во время своего заграничного путешествия не встречался. Он надеялся встретиться с ним в Берлине и, не застав его там, отправился в Саксонию. В Лейпциге он получил «вдруг два письма» от Кутузова, содержание которых, по его словам, было для него «очень неприятно» (168). «Он едет в Париж на несколько недель и хочет, чтобы я дожидался его или в Мангейме, или в Страсбурге; но мне никак нельзя исполнить его желания» (там же). В приведенном отрывке столько неясностей, что невольно возникает мысль о стремлении автора больше скрыть, чем рассказать. Во-первых, поездка из Берлина в Саксонию, видимо, была предусмотрена планом путешествия, обсужденным еще в Москве. Иначе непонятно, каким образом Кутузов, не встретившись с Карамзиным в Берлине, мог узнать, что писать ему следует в Лейпциг. Далее, то, что Карамзин из Берлина направился в Саксонию, как кажется, свидетельствует о желании в дальнейшем продолжить путь на Прагу и Вену с тем, чтобы потом, через Тироль, отправиться в Швейцарию. С этим согласуются слова о том, что путешественнику «никак нельзя» по просьбе Кутузова отправиться в Мангейм, — это означало бы полную перемену плана поездки. Странным противоречием на этом фоне звучит фраза: «Я не найду его во Франкфурте», будто бы свидетельствующая, что Карамзин собирался с самого начала посетить Франкфурт-на-Майне.

сообщали: «30 марта на улице Сен-Мерри было совершено одно из обдуманных самоубийств, примеры которых мы находим только в Англии. Некто Вилетт, слуга, в возрасте 26-и лет, примерной честности, был человек прилежный в выполнении всех своих обязанностей» (Journal des Révolutions de l'Europe en 1789—1790, t. 8, A Neuwied sur le Rhin et à Strasburg, MDCCLXXX, p. 50—52). Далее идет пересказ событий, почти точно совпадающий с эпизодом, рассказанным Карамзиным.

Создается впечатление, что она вставлена сюда задним числом в попытке сгладить явные противоречия текста. Во-вторых, непонятно, почему Карамзин, заявив, что ему «никак нельзя» отправиться в Страсбург, тотчас же туда отправился. В-третьих, совершенно непонятно еще одно место в «Письмах»: посетив Мангейм, Карамзин замечает, что этот город показался ему особенно привлекательным. «Если бы я не торопился в Швейцарию, то остался бы здесь на несколько недель». Однако после этого заявления Карамзин совсем не едет в Швейцарию, в которую так «торопится», а отправляется во Францию, в Страсбург. В «Письмах» это странное противоречие никак не объясняется, но в автореферате, опубликованном в «Spectateur du Nord», Карамзин так объясняет свою поездку в Страсбург: во Франкфурте-на-Майне он узнал о революции в Париже и был ею «живо взволнован». После этих известий он отправился из Германии во Францию, но, столкнувшись в Эльзасе с грабежами, волнениями и слухами об убийствах, он якобы повернул, изменив первоначальное намерение, в Швейцарию. Следовательно, из Мангейма он «спешил» совсем не в Швейцарию, а во Францию. Достоин внимания и то, что по имеющимся в нашем распоряжении сведениям никаких особых волнений вокруг Страсбурга и в Эльзасе в ту пору не происходило. М. И. Невзоров и В. Я. Колокольников даже полтора года спустя, в ноябре 1790 г., когда события приняли более напряженный характер, писали из Страсбурга И. В. Лопухину: «Нам будет там в теперешних обстоятельствах Франции безопасно. Чужестранцы все, как в здешнем городе, так и во всей Франции, не только никакой, как сказывают, не имеют опасности, но еще особенно обезопасиваются».⁷ Это тем более примечательно, что через несколько месяцев Карамзин не побоялся поехать в действительно охваченный серьезными беспорядками Лион. Следует отметить, что именно со Страсбурга начинается расхождение на несколько недель между реальными датами и отмеченными в «Письмах». Наконец, самое существенное: судя по «Письмам», Карамзин не встречался с Кутузовым за границей. Между тем можно утверждать, что встреча эта имела место и, видимо, была не кратковременной. Известно, какой взрыв неприязни вызвало у масонов и особенно у Кутузова и Багрянского, т. е. у тех двух лиц, которые находились летом 1789 г. в Париже и якобы не встречались с Карамзиным, известие о том, что «Рамзей» собирается издавать свой «журнал» (т. е. дневник путешествия). В. В. Виноградов имел основания заключить: «Больше всего масоны боялись появления „Писем русского путешественника“, описания заграничной поездки Карамзина».⁸ Кутузов тревожно писал

⁷ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, с. 37.

⁸ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 255.

Карамзину: «Опасно связываться с вашею братнею, авторами, тотчас попадешь в лабет («в дураки» — карточный термин, означающий проигрыш, — Ю. Л.). Я и сам знаю многие мои пороки и недостатки; что ж будет, ежели они предложатся публике, изображенные искусною кистью?»⁹ Каким образом Карамзин мог в своем «путевом журнале» «искусною кистью» изображать недостатки Кутузова, если они не встречались за границей? Прямым следствием этих слов является вывод о том, что Карамзин и Кутузов встречались за границей, что Кутузов боялся нескромности своего друга и не хотел, чтобы их встречи были известны публике, и что Карамзин скрыл от читателя эту сторону своего реального путешествия.

Вывод о том, что «Письма русского путешественника» очень свободно отражают реальное путешествие Карамзина и являются литературным произведением, имитирующим документальность, а не подлинными документами, не представляет чего-либо новаторского. Гораздо существеннее ответить на вопрос: где и когда Карамзин мог встретиться с Кутузовым? Ответ может быть только один: летом 1789 г. в Париже. Если предположить, что сообщение о возвращении из Страсбурга в Швейцарию не точно, что на самом деле Кутузов звал Карамзина не в Страсбург, а в Париж (что гораздо естественнее), что Карамзин откликнулся на этот зов, прибыл в Париж, оттуда направился в Швейцарию и после путешествия по ней снова поехал в столицу Франции, уже через Лион, то все смысловые и хронологические неувязки сами собой устраняются. Но тогда возникает естественный вопрос: зачем Кутузов отправился в Париж и почему Карамзин тщательно скрывал эту поездку? Нам, в отдаленной исторической перспективе, естественно предполагать, что в начале лета 1789 г. в Париж мог привести, скорее всего, интерес к революционным событиям и что эти же события вызвали необходимость скрывать поездку. Такое предположение следует отбросить: с точки зрения правительства Екатерины II, поездка в Париж летом 1789 г. ничего криминального собой не представляла — в столице Франции было много русских, но это не беспокоило ни русского посла, ни петербургские власти, которые склонны были рассматривать в эти дни парижские события как чисто французское дело и даже испытывали по этому поводу известное злорадное удовлетворение. Людовик XVI был несимпатичен Екатерине II, а из смут во Франции Россия надеялась извлечь дипломатические выгоды.

Совершенно иначе глядели в Петербурге на зарубежные масонские связи: это представлялось крайне опасным. Особенно активизировались преследования масонов в момент возвращения Карамзина из-за границы и публикации им «Писем». Известно, что следствие по делу Новикова специально интересовалось ха-

⁹ Барсков Я. Л. Переписка..., с. 55.

рактором его «вояжа». Кутузов направлялся в Париж не для того, чтобы сделаться свидетелем взятия Бастилии, — совпадение этих событий, конечно, случайно. Но столь же несомненно, что его привлекали в столице Франции не возможности веселого времяпрепровождения. Друг Радищева и ближайший сотрудник Новикова, Кутузов находился за границей не для увеселительной прогулки — он был отправлен туда московскими масонами для поисков «тайн» и мистической мудрости. Миссия эта крайне его тяготила. В конечном счете он погиб, горько сознавая, что принесен московскими братьями в жертву, и вместе с тем не считая себя вправе даже в этом случае самовольно оставить свой пост. Что же могло заставить его совершить поездку в Париж?

На Вильгельмсбаденском конгрессе в 1782 г. Россия была признана VIII полностью автономной провинцией масонского мира. Получение полной независимости было большой победой новиковского кружка. Однако этот же акт закрепил связи московских «мартинистов» с берлинским масонским центром. Не случайно Кутузов, бывший как бы послом новиковского кружка при европейском масонском движении, был послан в Берлин. Но к 1789 г. односторонние связи с берлинским масонством начали тяготить москвичей. Дело заключалось не только в том, что официальное положение и правительственные связи Вёльнера и Бишоффсвердера привлекали пристальное внимание правительства Екатерины II, которое, с одной стороны, находилось в весьма сложных отношениях с Пруссией, а, с другой — крайне опасалось, что за московско-берлинскими масонскими связями скрываются тенденции сближения последнего Павла Петровича с Берлином, очень опасные в случае попыток дворцового переворота. Не менее важными были побуждения внутреннего порядка. В новиковском кружке нарастала оппозиция берлинскому направлению. Явно разочаровались в нем молодые братья Карамзин и Петров, захвачены теми же настроениями были и основные члены кружка. К ним, видимо, относился и Кутузов, во взглядах которого, насколько можно судить при крайней скудости фактических сведений, усиливались черты политического либерализма и социального утопизма. Рост этих настроений происходил на фоне острых дискуссий в Германии и Франции, резонанс которых вышел за пределы узких масонских кругов и захватил общество. Берлинский диктат вызвал в масонских кругах широкую оппозицию, связанную с настроением общественной активности, захватившим широкие круги мыслящей Европы в конце 1780-х гг. Баварские иллюминаты были разгромлены, но иезуиты напрасно торжествовали победу над просветителями: иллюминаты рассеялись по немецким городам (центрами их стали Регенсбург, Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне) и продолжали борьбу за соединение масонской организационной структуры и просветительской идеологии. Но и внутри ортодоксаль-

ного масонства кипела борьба. Требования отказа от алхимии, демократизации орденской структуры, участия в общественной жизни выдвигались антиберлинским «Эклектическим союзом», возглавленным франкфуртской ложей «Единение». За пределами Германии царил такой же разброд: Франция составляла две масонские провинции; одна из них, имевшая центром Лион, поддерживала берлинское руководство, другая, со столицей в Париже, примкнула к его противникам. Парижские масонские круги были в наибольшей мере захвачены предреволюционными настроениями, которые выражались в стремлении к демократизации орденских целей и в конечном счете приводили к разрыву с масонством. Центром парижского масонства в 1789 г. была ложа «Соединенных друзей», втянутая в активную общественную жизнь. В недрах этой ложи созрел один из интереснейших социально-утопических союзов той эпохи — «Социальный кружок» Клода Фоме и Никола Боневия.¹⁰

Примечательную эволюцию проделал в эти годы один из столпов европейского масонства Луи-Клод Сен-Мартен. В 1780-х гг. он сошелся с главой лионской ложи Ж.-Б. Виллермозом, и ряд лет его жизни был связан с Лионом. В интересующее нас время Сен-Мартен порвал с масонством, разорвал связи с Виллермозом, покинул Лион и переселился сначала в Страсбург, а затем в Париж («Лион — мой ад. Париж — мое чистилище. Страсбург — мой рай», — говорил он). Сен-Мартен встретил революцию с недвусмысленным сочувствием, которое выразилось в его сочинении «Письма к другу».¹¹ Склоняясь к утопическим идеям всеобщего братства людей и духовного единения просвещенного человечества, Сен-Мартен видел в революции законное сопротивление народа тирании. Духовный прогресс — закон человечества и бога. В нормальных условиях он осуществляется мирно. Но тирания препятствует его реализации, и в этом случае он неизбежно и законно принимает насильственные формы. Соединение гуманизма, мистицизма, «боевого эволюционизма», доходящего до оправдания насильственных действий, очень типично для настроений широких кругов европейских деятелей культуры в 1790-х гг.

Характерной особенностью жизни позднего Сен-Мартена была его связь с русскими деятелями: Сен-Мартен был в эти годы увлечен русскими, и из их числа составилось его ближайшее

¹⁰ См.: *Алексеев-Попов В. С.* «Социальный кружок» и его политические и общественные требования. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955, с. 297—339.

¹¹ Об идеях и деятельности Сен-Мартена в эти годы см.: *Secrečka M.* 1) *Louis-Claude de Saint-Martin, le Philosophe Inconnu.* Wrocław, 1968; 2) *La nouvelle vision de la révolution dans l'oeuvre de Saint-Martin, le philosophe inconnu.* — *La littérature des Lumières en France et en Pologne.* Wrocław, 1976, p. 131—147; *Chaquin N.* *Le citoyen Louis-Claude de Saint-Martin, tésosophe révolutionnaire.* — *Dix-huitième siècle*, N 6, 1975.

окружение.¹² В сочинении дневникового характера, изданном много лет спустя после его смерти, Сен-Мартен писал: «Кашелов, князь Репнин, Зиновьев, графиня Разумоский (так, — Ю. Л.), другая княгиня, о которой мне говорил Д. в одном из своих писем, двое Голицыных, господин Машков, господин Скавронский, посол в Неаполе, господин Воронцов, посол в Лондоне — таковы главные русские, которых я знал лично, исключая князя Репнина, с которым я был знаком лишь по переписке».¹³ Прокомментируем те из этих имен, которые нам понадобятся в дальнейшем. Прежде всего следует остановиться на Василии Николаевиче Зиновьеве (1754—1827). Однокашник Радищева и Кутузова по Лейпцигскому университету, он «по своему возрасту не принадлежал к основному кружку студентов»¹⁴ — в момент прибытия в Лейпциг ему исполнилось одиннадцать лет. Однако во время отъезда Радищева и Кутузова это был уже шестнадцатилетний юноша. Вероятно, и к нему относятся слова Радищева о студенческих связях лейпцигских лет: «Дружба в юном сердце есть, как и все оного чувствования, стремительна».¹⁵ Видимо, именно с ним связан эпизод сближения в 1768 г. лейпцигских студентов с проезжавшими через Саксонию братьями Орловыми: Зиновьев и Орловы были двоюродными братьями, отец Орловых, генерал-майор Адлер, был женат на сестре генерала Зиновьева. Оба генерала жили в тесной дружбе и сменяли друг друга на посту коменданта Петропавловской крепости в Петербурге. После смерти Адлера Зиновьев, ставший опекуном племянников, посоветовал им сменить фамилию на Орловых. Связи В. Н. Зиновьева с Орловыми и в дальнейшем оставались исключительно прочными: службу он проходил при Г. Г. Орлове, сначала в должности флигель-адъютанта, а с 1775 г. получил звание генерал-адъютанта, состоя в его же штабе. Сближение увенчалось браком Г. Орлова с сестрой Зиновьева Екатериной в 1781 г. О разразившемся в связи с этим скандале речь пойдет ниже.

Во вторую половину 1770-х—1780-е гг. Зиновьев почти непрерывно находился за границей, подолгу проживая в Англии. Здесь он сблизился с С. Р. Воронцовым, который в письме к брату А. Р. Воронцову выделил Зиновьева и Растопчина как наиболее близких к нему молодых людей. Возникшая между Зиновьевым и С. Р. Воронцовым тесная дружба была закреплена браком последнего с другой сестрой Зиновьева. Таким образом, Зиновьев был, с одной стороны, приятельски связан с кругом оппозиционных мыслителей типа Радищева или Кутузова, а с другой — с высокими вельможными кругами, которые в 1780-х гг.

¹² Русские связи Сен-Мартена совершенно не изучены.

¹³ Louis-Claude de Saint-Martin. *Mon portrait historique et philosophique* (1789—1803). Paris, 1961, p. 129.

¹⁴ Старцев А. Университетские годы Радищева. М., 1956, с. 23.

¹⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. I, с. 163.

заметно отчуждались от правительства Екатерины II (оттесненные Потемкиным Орловы также переходили в лагерь недовольных; в этом отношении сближение их с Воронцовым, в котором Зиновьев сыграл, видимо, решающую роль, крайне симптоматично).

Но Зиновьев был связан с еще одним родом общественных кругов: в 1784 г. он был принят в Берлине самим кронпринцем герцогом Брауншвейгским Фердинандом, Великим мастером Соединенных лож, в масоны. В дальнейшем он тесно сошелся с Сен-Мартеном и главой лионской ложи Виллермозом. С Сен-Мартеном он путешествовал по Италии и общался в конце 1780-х гг. в Париже и Лондоне. Видимо, именно он свел Сен-Мартена с С. Р. Воронцовым.

Кашелов — это, конечно, Р. А. Кошелев (1749—1827), русский вельможа, дом которого в Париже был сборным местом русских масонов за границей. Кошелев, его жена, Зиновьев и семья Голицыных упоминаются Е. Ф. Комаровским как центры «русского Парижа» перед революцией и в ее начале.¹⁶ Сен-Мартен и Виллермоз — близкие знакомцы Кошелева. Однако у него есть и иные связи: он входит в ближайшее окружение герцогини Вюртембергской, матери Марии Федоровны. В дальнейшем он личный, интимный друг имп. Александра I.¹⁷ О нем в 1822 г. сказал Лабзин: «У Кошелева тайные съезды. И князь Голицын туда ездит. Черт их знает, что они там делают».¹⁸ Связь кругов, о которых мы говорим, с монбельярским (вюртембергским) двором и молодым двором в Павловске достойна всяческого внимания. Следует подчеркнуть, что упомянутая Сен-Мартеном «другая княгиня» — это жена наследника русского престола Павла Петровича Мария Федоровна.

Машков — первый секретарь русского посольства в Париже, тоже масон.¹⁹ С ним в Париже встречался Карамзин.

Нити русских масонских связей за границей (в отличие от чисто берлинской ориентации московских розенкрейцеров) сходились в Париже. Кутузову было естественно при попытке вырваться из-под опеки Берлина направиться в Париж. Интересно отметить, что треугольник городов, который нам приходилось неоднократно упоминать выше — Лион—Страсбург—Париж, будет точно повторен в схеме путешествия Карамзина по Франции. О поездке его в Лондон будет сказано особо.

¹⁶ Комаровский Е. Ф. Записки, с. 10.

¹⁷ См.: Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Пг., 1914, с. 449—460 и др. по именному списку.

¹⁸ Цит. по: Шильдер Н. К. Имп. Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. IV, с. 267.

¹⁹ В списке, опубликованном Le Bihan, Alain, Franc-maçons parisiens, du Grand Orient de France (Fin du XVIII siècle), Paris, 1966, p. 344, он числится как «брат» в ряде лож. В 1788—1790 гг. он входил в ложу «Объединенных друзей».

Общей чертой в настроениях того мира, с контурами которого мы соприкоснулись выше, в годы начала революции было ослабление интереса к мистике, охлаждение к организационным формам масонства (хотя случаи окончательного разрыва с тем и другим оставались редкими) и увеличение интереса к политике, напряженное внимание к событиям, которые начали разворачиваться во Франции. Сказанное имеет прямое отношение к политической позиции Карамзина во время заграничного «воояжа». Разрыв Карамзина и Кутузова произошел во время этой поездки: в начале путешествия, как это следует и из текста «Писем русского путешественника», отношения их были самыми дружественными, в конце — открыто враждебными.

Имелись ли у Карамзина в этот кризисный момент определенные политические воззрения? Ответ на этот вопрос требует двух отдельных исследований: одно должно выяснить, какое впечатление произвели на Карамзина события во Франции и наблюдения над общественной жизнью в Швейцарии и Англии.²⁰ Согласно теме нашей статьи мы в данной работе полностью устранимся от анализа этой стороны проблемы. Другое исследование касается того, имелись ли у Карамзина в эти месяцы какие-либо конкретные представления о политическом будущем России. Был ли Карамзин одиноким чувствительным путешественником, каким он нарисовал себя в «Письмах», или же в его воззрениях присутствовали черты политического реализма, столь свойственные ему в период работы над «Историей»? Были ли утопизм и реализм двумя этапами эволюции Карамзина, или это были две тенденции, два полюса, в той или иной мере всегда свойственные его позиции и составлявшие ее своеобразие? Вопрос о соотношении Карамзина с теми или иными реальными политическими тенденциями еще далек от окончательного разрешения. Цель настоящей работы — коснуться лишь одной его части.

Основным и по сути дела единственным источником для суждений о том, что делал Карамзин за границей, являются «Письма русского путешественника». Но мы уже говорили, сколь опасно видеть в «Письмах» описание реального путешествия их автора. Мы видели, что Карамзин скрыл свое свидание с Кутузовым в Париже и что из этого вытекает факт не одного, а двух посещений Парижа. В другой работе мы восстанавливаем круг французских впечатлений Карамзина, показывая, в каком

²⁰ Представление о том, что фактическая сторона проблемы «Карамзин и французская революция» исчерпывающе изучена (в последнее время такая мысль была в категорической форме высказана Е. Н. Купряевой), является иллюзорным: ни точные даты пребывания Карамзина в Париже, ни круг его знакомств, ни перечень событий, свидетелем которых он был, не исследованы. Без этого теоретические заключения о данной проблеме часто оказываются преждевременными.

условно-стилизованном виде они попали на страницы «Писем».²¹ И все же из текста «Писем» можно извлечь многое, если доверчивую цитацию, якобы рисующую Карамзина во время путешествия, заменить методом последовательной дешифровки намеков и тех следов, которые реальные впечатления автора не могли не оставить на страницах его произведения, даже при сознательной установке на сокрытие и стилизацию.

Присмотримся внимательно к кругу русских, с которыми Карамзин встречался за границей, и к тем иностранцам, которые были так или иначе включены в русскую жизнь.

О первой из этих встреч в «Письмах» рассказано следующее: «На одной станции за Дерптом надлежало мне ночевать: г. З., едущий из Италии, забрал всех лошадей. Я с полчаса говорил с ним и нашел в нем любезного человека. Он настраивал меня песчаными прусскими дорогами и советовал лучше ехать через Польшу и Вену» (85—86). Прямым выводом из этого отрывка является то, что встреча была случайной, произошла на почтовой станции, а разговор носил самый незначительный характер. Однако, если мы вспомним, что З. — это Зиновьев, который, бесспорно, имел сведения о Кутузове, а Карамзин ехал в Берлин, имея, как он сам признается, одной из целей повидать «сего любезного меланхолика», то мы вряд ли ошибемся, предположив, что разговор коснулся Кутузова и тех проблем, которые были связаны с его пребыванием за границей. Весьма большие сомнения вызывает случайный характер этой встречи. Зиновьев приехал в Петербург 8 сентября 1789 г. по ст. стилю.²² Из записок Зиновьева, копия с которых хранится в архиве «Русской старины» (РО ИРЛИ), видно, что по пути он из-за болезни Кошелевой остановился в Нарве недель на 5—6. Карамзин прибыл в Ригу 31 мая, следовательно, встретился с Зиновьевым до этой даты. Невозможно предположить, чтобы Зиновьев из Риги в Нарву ехал два с лишним месяца. Скорее всего он провел это время, поселившись с больной Кошелевой в одном из городов между Ригой и Нарвой (показательно, что Карамзин предпочел не называть точно места встречи). А если это было так, то почти наверняка Карамзин не случайно встретился с Зиновьевым, а специально к нему заехал. Сведения о месте пребывания Зиновьева в Петербурге наверняка знал А. Р. Воронцов. От него или из его окружения Карамзин мог получить эти данные.

²¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. — В кн.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника* (в печати).

²² Он ехал до Риги в обществе Кошелева и его жены Варвары Ивановны. По пути последняя заболела. Кошелев уехал вперед, а Зиновьев задержался, сопровождая больную. В «Ведомостях» петербургского обер-полицмейстера Рыльева значится прибытие «сентября 8 1789 из Риги отставного гвардии ротмистра Кошелева жены Варвары Ивановны» (ЦГАДА, Госархив XVI, № 534 I-а, л. 102).

О чем же могли говорить Карамзин и Зиновьев во время их «случайной» встречи? В «Письмах» упомянуто путешествие по Италии. Надо знать, что его Зиновьев совершил не один, а в обществе Сен-Мартена, переживавшего ломку своих философско-религиозных воззрений. Зная, какой интерес проявляли московские масоны к творчеству «неизвестного философа», невозможно предположить, чтобы Карамзин не задавал вопросов на этот счет. Он ведь в первый раз видел человека, который лично знал и, более того, был близким другом того, по имени кого друзья Новикова получили опасную кличку «мартинистов».

Естественно предположить, что разговор перешел на Англию и С. Р. Воронцова. Ведь самые свежие впечатления от общения с Сен-Мартеном были у Зиновьева именно английские и связанные с домом Воронцова. В дневнике 11 января 1787 года Зиновьев записал: «Прибыл Сен-Мартен и остановился у г-на Тимана». И 12-го: «День моих именин; я его увидел (т. е. Сен-Мартена (прим., видимо, принадлежит редактору «Русской старины», — Ю. Л.) вечером, и это свидание доставило мне великую радость». Приезд Сен-Мартена, по мнению Зиновьева, «имел случай произвестъ бесконечное добро».²³ В свою очередь С. Р. Воронцов произвел на Сен-Мартена значительное впечатление. Французский теософ был склонен видеть в нем идеал духовного человека будущего.

Но Зиновьева и Воронцова мистические вопросы интересовали отнюдь не в первую очередь. Это видно из ряда мест в «Журнале путешествий», выпущенных при публикации в «Русской старине». Весь «Журнал» написан в форме предполагаемых писем к Семену Романовичу и затрагивает ряд существенных проблем: в центре внимания Зиновьева — положение промышленности в России, средства подъема сельского хозяйства (в центре оказывается вопрос ограничения власти помещиков) и сравнение русского и английского суда. Места эти из «Журнала» Зиновьева следует привести, поскольку в них отразились те европейские впечатления, которые с большой вероятностью могли сделаться более интересной темой разговора, чем «песчаные прусские дороги». «Гарнсет 16/27 июля 1786-го г.

Обещал тебе сказать о желании моем видеть мануфактуры в нашем отечестве и, несколько дней назад быв в Шеффилде, я очень сожалел, что туда наше железо привозят, оное там обрабатывают, обратно к нам привозят и с нас вдесятеро, а может и более за самое то же железо берут; но теперь я по некоторым

²³ Журнал путешествия Василия Николаевича Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии, РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 21, л. 131 об. и 134. Тиман — адъютант кн. Н. В. Репнина, знакомый по Москве Кутузову и Карамзину. Через него осуществлялась переписка Сен-Мартена и Репнина, до нас не дошедшая. Даты в дневнике Зиновьева даются по ст. стилю. Именины его — День Василия Великого — 1 января по н. ст.

рассуждениям, которые мне представились, совсем иного об оном мнения, а именно: что в нашем отечестве в его теперешнем положении совсем иной главный предмет быть должен, нежели мануфактуры или торговля. Забудем сие, и следуй, пожалуй, порядку моих мыслей. Итак, я скажу тебе, что бы ты со мной предпринял, что мы в колонию приехали на пустынный остров, я спрошу тебя: о чем будет состоять наше первое попечение на нашем пустом острове с нашею колониєю? Без всякого сомнения мы примем меры завести хлебопашество и будем стараться приискать лучшие средства для умножения оного. Вот, любезный мой, положение нашего отечества, и оно в рассуждении сего совершенно на предположенный мной остров походит». Из этого Зиновьев делает вывод: «Первый по сему предмет нашего правительства я поставляю, чтобы оно устремило всю свою власть поощрять и размножать хлебопашество». Для достижения этой цели Зиновьев намечает план реальных мероприятий по ограничению крепостного права, смягчению крепостнических порядков в армии и — во внешней политике — отказа от разорительных агрессивных войн: «Все меры правительство должно взять, чтобы предупредить уменьшение народа. Для сего 1-ое сделать учреждение, которое бы препятствовало помещикам употреблять во зло их власть и быть грабителями и тиранами их подданных. 2-ое. Хорошим учреждением стараться установить порядок доведения рекрут в назначенное место, а чтобы те, которые их ведут, принуждены были падать сих несчастных и себе подобных. 3-ье. Когда они доведены будут до места, чтобы командиры сим солдатам были бы некоторым образом обязаны облегчать по возможности и удобству их состояние. 4-ое. Избегать всех ненужных войн». Особое внимание Зиновьева привлекает необходимость судебной реформы по английскому образцу: «Тебе известно, что у нас тьма законов, между которыми немалое число противоречащих, что, напр<имер>, гражданина <в значении «штатского», — Ю. Л.> судят часто по морским и военным уставам, что законы ни судье, ни преступнику, ни большей части публики, самим стряпчим и секретарям очень часто неизвестны и что они чрез беспорядок как бы находятся в закрытии и, по моему мнению, некоторым образом на инквизицию походят, ибо преступник, хотя знает, что он по закону обвинен, но ни он, ни судья, а часто секретарь, который по своей должности у нас тысячи законов знать обязан, не уверены — нет ли другого последнего закона, которым виновной оправдан быть должен? Приняв сие, ты видишь, как тяжело честному и чувствительному человеку быть у нас судьей».²⁴

Особенно враждебен Зиновьеву деспотизм. Все симпатии его на стороне конституционно-монархического порядка английского

²⁴ Журнал путешествия... л. 108—110 об.

образца. Увидав во дворце Hagwood в одной из зал украшавшие ее античные бюсты Каракаллы, Коммода, Гомера и Фаустины, он записал в дневнике: «Есть ли тут какой-нибудь смысл, видеть в Англии двух чудовищ рода человеческого и делать ими украшение великолепной комнаты! Досадно! До крайности досадно! Что я с бюстами сих тиранов и оным подобными сделал бы — писать здесь длинно; но не лучше ли было бы вместо двух сих possédés²⁵ поставить бюст д'юрда Чатама и достойного его сына В. Питта, а вместо Гомера и Фаустины — Мильтона и Елизаветы».²⁶

Свиданье с Зиновьевым оставило в сознании Карамзина след. На это имеется в тексте «Писем» намек, много говоривший кругу посвященных.

В письме из Лозанны Карамзин сообщал: «Сию минуту пришел я из кафедральной церкви. Тут из черного мрамора сооружен памятник княгине Орловой, которая в цветущей молодости скончала дни свои в Лозанне, в объятиях нежного неутешного супруга. Сказывают, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!.. Я благословил память ее» (277).

Для неосведомленного читателя это один из многих эпизодов «сентиментального путешествия». Однако читатели «Московского журнала» знали подробности, на которые намекал Карамзин, лучше, чем наши современники.

Княгиня Орлова — до замужества Екатерина Николаевна Зиновьева, родная сестра собеседника Карамзина.²⁷ История ее замужества и гибели в свое время пользовалась шумной известностью: бывший фаворит Екатерины II, отстраненный от дел Потемкиным и утративший бывшее влияние, Г. Г. Орлов влюбился в 18-летнюю фрейлину Е. Н. Зиновьеву. Последняя отличалась красотой и веселым, беззаботным нравом: Екатерина II в шуточных характеристиках своих придворных пророчила ей смерть от смеха.²⁸ Злые языки сообщали, однако, отнюдь не смешные подробности страсти бывшего фаворита. М. М. Щербатов сообщал об Орлове: «Тринадцатилетнюю двоюродную сестру свою Екатерину Николаевну З. исильничал и, хотя после на ней женился, но не прикрыл тем порок свой, ибо уже всенародно оказал свое деяние и в самой женитьбе нарушал все священные и гражданские законы».²⁹

²⁵ Одержимых — франц. (ред.).

²⁶ Журнал путешествия... , л. 114.

²⁷ Если бы даже, что крайне мало вероятно, Карамзин забыл об этом родстве, ему должен был напомнить его текст эпитафии: Catharina princesse Orlow, née Sinowiew, le XIX Décembre 1758, morte le XXVII Juin 1781. Барсуков А. Рассказы из русской истории XVIII века (по архивным документам). СПб., 1885, с. 186.

²⁸ Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1907, т. XII, с. 658.

²⁹ Щербатов М. М. Соч. СПб., 1898, т. II, стб. 229.

«Священные и гражданские законы», о которых говорил Щербатов, — это запрет по православным законам браков между двоюродными родственниками. Орлов венчался летом 1776 г. Брак этот вызвал скандал. Биография Г. Орлова, составленная, по всей вероятности, в кругах, близких к братьям Воронцовым (можно предположить, что А. Г. Воронцов принимал в составлении ее непосредственное участие), описывает резкий эпизод, происшедший в связи с этим между Г. Орловым и императрицей: «Когда ее величество Зиновьеву, бывшую при дворе фрейлиною, за ее непозволительное и обнаруженное с графом обращение при отъезде двора в Сарское Село с собою взять не позволила, то граф был сим до крайности огорчен и весьма в том досадовал. Так, что однажды при восставшей с императрицею распри отважился он выговорить в жару непростительно грубые слова, когда она настояла, чтобы Зиновьева с нею не ехала: „Черт тебя бери совсем!“ В оном следуем мы присланным к нам известиям и тем более поелику, как мы после увидим, на особенное просительное письмо всеми Святейшего синода членами подписанное, в котором они, при воспоследовавшей графу немилости, принесли публично на сей как духовным, так и светским законом противной поступок Правительствующему сенату жалобу».³⁰

Дело о браке Орлова по жалобе Синода разбиралось в Совете. Враги падшего фаворита, желая угодить Екатерине, предлагали самые жестокие меры. «Члены Совета подали мнение о необходимости развести Орлова с женою и заключить обоих в монастырь».³¹ Екатерина II не утвердила этого решения, но предло-

³⁰ Анекдоты жизни князя Григория Григорьевича Орлова. ЛОИИ АН, архив Воронцовых, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 756/362, л. 30 об.—31. Существует немецкое издание этой рукописи: *Anekdoten zur Lebensgeschichte des Fürsten Gregorius Gregoriewitsch Orlow*. Frankfurt—Leipzig, 1791. Трудно сказать, является ли немецкая книга переводом с рукописи, хранящейся в воронцовском архиве, или, напротив, рукопись — перевод немецкой книги. Однако даже если книга составлена в Германии, то, как многократно подчеркивается в тексте, в основу ее положены сведения, полученные из высоких придворных кругов. Действительно, ряд эпизодов (вроде приведенного выше) мог быть известен лишь в узком кругу особо посвященных лиц. Общая тенденция соответствует отношению к Г. Орлову в оппозиционно-вельможных кругах екатерининского времени: на общую отрицательную оценку Орлова как фаворита насаждается противопоставление его Потемкину. Переход братьев Орловых в лагерь умеренной оппозиции накладывает на общую отрицательную оценку смягчающие тона и заставляет выделять и их положительные стороны. Это характерно и для «Анекдотов», и для «О повреждении нравов в России» Щербатова. Однако некоторые детали текста выдают участие братьев Воронцовых. Таково, например, детальное описание ссоры двух их сестер, «славной княгини Дашковой» и «бывшей наложницы императора Петра III» (л. 10—11). Отношение А. Р. Воронцова к роли сестры Дашковой в перевороте 1762 г. было отрицательным.

³¹ Барсуков А. Рассказы... с. 177.

жила Орлову с женой навсегда покинуть пределы России. Вскоре Орлова умерла в Лозанне. Эти события не прошли без протестов, которые исходили из вполне определенного лагеря. В Совете в защиту Орлова выступил К. Г. Разумовский. На смерть Орловой Державин откликнулся стихами:

Как ангел красоты, являемый с небес,
Приятствами она и разумом блистала,
С нежнейшею душой героически умирала.
Супруга и друзей повергла в море слез.³²

Стихотворение это было в 1792 г. опубликовано в «Московском журнале» Карамзина, там же, где появился и отрывок из «Писем». Поскольку смерть Орловой не была свежей новостью — с момента ее гибели прошло более 10 лет, в этих публикациях нельзя не усмотреть определенной демонстрации. В общественном смысле Карамзин этими публикациями примыкал к определенному лагерю критиков правительства, в личном — выражал сочувствие Зиновьеву. Ему, конечно, было известно, что последний исключительно остро пережил кончину сестры — именно это событие, усилив религиозно-мистические настроения, привело Зиновьева в лагерь масонов.

Другая веха в размышлениях Карамзина о реально-политических проблемах, стоящих перед Россией, связана с посещением Лафатера. Карамзин уделил в «Письмах» много страниц своим посещениям Лафатера, однако можно сомневаться в том, что все их разговоры отразились на страницах этого произведения. Естественно предположить, что в беседах швейцарского теософа и русского путешественника возникла тема посещения Лафатера другими визитерами из России. Самым выдающимся и наиболее запомнившимся из них был, конечно, «князь Северный» — наследник русского престола Павел Петрович. Лафатер описал в своем дневнике эту встречу. Поскольку, вероятно, в тех же или близких выражениях этот рассказ слышал Карамзин, его стоит воспроизвести:

«Тут заговорил он со мной о физиогномии... Как я дошел до этого? Он получил от своего лейбмедика некоторые отрывки для прочтения. Он был изумлен. Я должен ему предоставить некоторые данные о том, как я подошел к сущности?»

Я отвечал то, что я уже должен был тысячи раз отвечать — что в основу я кладу лоб, на котором я основываю существенные черты характера, из которых я вывожу все остальное и к чему я возвожу все остальное. Тут приложил он свою плоскую руку ко лбу и спросил с непередаваемой улыбкой: „Ну а теперь, как обстоит дело здесь? Я полагаю довольно плохо?“

— Сударь, — отвечал я ему улыбаясь и живо, — Вы не имеете причин быть недовольным ни Вашим лбом, ни Вашей физиономией.

³² Державин Г. Р. Соч. Изд. Я. К. Грота. СПб., 1864, т. 1, с. 152.

Он: Я не комплиментов жду от Вас.

Я: Я не собираюсь говорить комплиментов. Это не моя специальность. Моя природа — искренность. Поверьте мне, я говорю не с великим князем, но с добрым человеком, которого я вижу перед собой. В князе я вижу только человека, а не в человеке — князя.³³

Он был доволен этим ответом и сказал мне: „Поговорим серьезно: мне было бы важно получить от Вас добрые советы. Вы меня видели. Подайте этому лицу совет или поучение, которое ему подобает“». Далее Лафатер описывает, как он пытался уклониться от прямого ответа, ссылаясь на невозможность быстрого определения, однако Павел настойчиво вернул его к сущности разговора.

«Он: Однако еще раз: это для меня серьезно. Скажите мне что-либо, что мне особенно важно при моем характере и темпераменте.

Я: Без настоящего требования, сударь, никогда не говорю людям в лицо об их лицах... Я нахожу крайне нескромным без нужды и обязанности хвалить или осуждать человека в лицо.

Он: Это я прекрасно понимаю. Но я прибыл сюда, чтобы с Вашей помощью лучше познать самого себя. Итак, имейте доброту исполнить мою просьбу. Это мне необходимо для исправления моего „я“. Вы не можете меня отвергнуть.

Я: Ну, тогда с божьей помощью... Вы обратились ко мне с призывом, которому я не могу противостоять. Но облегчите мне задачу с помощью простых и определенных вопросов — тогда я буду Вам перед лицом бога отвечать как честный человек.

Он: Отлично! итак, начнем вопросы: гневлив ли я?

Я: Да, сударь, и в наивысшей степени. У Вас достаточно причин следить за собой... (или нечто в этом роде).

Он: Как Вы это увидели?

Я: По Вашим глазам: по их цвету и рисунку.

Он: Это справедливо. Вы правы — дальше: есть ли у меня большой темперамент?

Я: Большой, очень большой!.. Вы в высшей мере горячи, быстры, бурны.

Он: Вы полностью правы. Дальше: расположен ли я к веселости (добродушен или как он выразился весел³⁴).

Я: Природа создала Вас веселым, так как Вы добры. Но Вам следует уметь пресекать многие дурные причуды. Вы легко и часто выпадаете в глубокие бездны от застенчивости, которая близко граничит порой с отчаяньем. Ради бога... не падайте духом в такие минуты!.. Не предпринимайте в них ничего! Позовите свою супругу! Прильните к ней! Темные тучи тотчас же рассе-

³³ Весь текст по-немецки. Последняя фраза в тексте по-французски.

³⁴ Последние два слова по-французски.

ются. Скоро, очень скоро вы придете в себя, если не будете слишком долго предоставлены себе самому.

Он казался столь же изумленным, сколь взволнованным. „Вы говорите мне только истины и истины очень важные...“³⁵

Интерес к личности наследника в оппозиционных кругах России не случаен. В широком и не имеющем единой программы, но явно переживающем подъем лагере противников правительства Екатерины II в конце 1780-х—начале 1790-х гг. все были согласны в необходимости срочных общественных перемен, хотя в чем состоят эти перемены, понималось разными группировками по-разному. Однако в обстановке подъема и надежд «великой весны девяностых годов» (Герцен) важно было не то, что разделяло, а то, что соединяло разнообразных противников существующего порядка. Показательно, что столь далекий от революционных настроений человек, как С. Р. Воронцов, встретил «Путешествие из Петербурга в Москву» в общем сочувственно, а расправу с писателем — с осуждением. Да и дружбу Радищева и А. Р. Воронцова, конечно, нельзя рассматривать как причуду чисто биографического характера. Оба они были слишком погружены в политику, чтобы отделять личные и общественные симпатии непреодолимой чертой. То же можно сказать и об отношениях Панина и Фонвизина. Каждый из них имел свою программу, но каждый понимал, что политический реализм требовал от них компромиссов.

Настроения политического реализма заставляли обращаться к фигуре наследника. Реформаторская деятельность проникнутого духом прогресса и идеями века государя казалась наиболее реальным выходом из политического тупика, в котором оказалась Россия (история иронически показала, что этот наиболее реалистический расчет оказался предельно ирреальным).

О Павле Петровиче знали мало, а то, что было известно, — внушало надежду. Знали о его доброте и прямоте, ненависти к фаворитизму и расточительности матери. Было известно, что Никита Панин был поклонником твердых законов и противником деспотизма. Это тоже внушало надежды.

Екатерина II опасалась малейшего сближения общественных групп с наследником и жестоко наказала Новикова и его друзей за робкую попытку сблизиться с Павлом через Баженова. Но Сен-Мартен находился в деятельной переписке с Марией Федоровной и был своим человеком при дворе ее матери, те же связи харак-

³⁵ *Strahlmann B. Johann Caspar Lavater und die «Nordischen Herrschaften».* — Oldenburger Jahrbuch, Bd 58, 1959, Teil 1, S. 204—206. Ср.: *Heier Ed. Das Lavaterbild im geistigen Leben Rußlands des 18. Jahrhunderts.* — Kirche im Osten, 1977, Bd 20, S. 113—114. Считаю приятной обязанностью поблагодарить г-жу И. Ингольд-Ракуза, проф. К. Эймермахера и проф. П. Барага за содействие в розысках в архиве Лафатера (Цюрих) и в получении мной изданий, отсутствующих в библиотеках СССР.

герны для Лафатера.³⁶ Ведущие русские дипломаты за границей (за исключением посла в Париже Симолина) недоброжелательствовали Екатерине II, сочувствовали Павлу и в той или иной мере оказывались связанными с тем либерально-мистическим движением, с которым соприкоснулся Павел за границей и тесную связь с которым имели вюртембергский дом и Мария Федоровна.

Интересно, что Екатерина с ее сухим умом практика и рационалиста до того самого момента, когда революция в Париже вступила в решающую фазу, более сочувствовала идеям понятных ей энциклопедистов, чем туманным и совершенно чуждым ей учениям мистического гуманизма. Первые не казались ей опасными, вторых она глубоко подозревала в заговорах и покушениях на ее власть.

Рассказ Лафатера, рисуя Павла Петровича человеком, стремящимся к самоусовершенствованию, твердо выслушивающим поучения из уст мудреца, указывающего принцу на его недостатки, imponировал оппозиционерам, поскольку ассоциировался с известными ситуациями из политико-воспитательных романов XVIII века.

Карамзин не упомянул о своих разговорах на эту опасную тему с Лафатером, но в другом месте, верный своему принципу оставлять известные следы интересовавших его серьезных вопросов, показал, с каким вниманием и осведомленностью собирал он данные о путешествии Павла по Европе. Посетив Шантильи, он «вспомнил то великолепное, беспримерное зрелище, которым принц Конде веселил здесь нашего Северного графа. Ночь превратилась в день; от бесчисленных огней казалось, что леса и воды горели; искры сыпались каскадами...» (497).

В Лондоне Карамзин явился к С. Р. Воронцову. Показательно, что в Париже он не считал нужным представиться русскому послу Симолину, хотя и имел контакты с масоном и другом Сен-Мартена советником русского посольства А. Мапшковым.

Воронцов, как и Карамзин, был внимательным наблюдателем французских событий, хотя относился к ним, вероятно, более критически, чем русский путешественник в 1790 г. Приведем

³⁶ Тесная связь Лафатера с Павлом Петровичем и Марией Федоровной продолжалась и в дальнейшем: Лафатер находился с Марией Федоровной в деятельной переписке, часть из которой опубликована. См.: Johann Kaspar Lavater's Briefe an Kaiserin Maria Feodorowna. Über den Zustand der Seele nach dem Tode, St.-Ptrb., 1858. Русский перевод: Письма Лафатера к государыне императрице Марии Федоровне 1798. СПб., 1881, отклик из журнала «Христианское чтение», № 3—4, 1881, с. 1—35. Во время швейцарского похода Павел приказал Римскому-Корсакову посетить Лафатера и предложить ему на выбор — чин, орден или пенсию. При этом он поручал передать личное письмо, в котором свидетельствовал, что не забыл впечатление от их личной встречи. Поскольку Лафатер находился при смерти (он был ранен французским солдатом), письмо и милости не были переданы.

письмо его к Безбородко об офицере русской службы Миранда, из которого видно, что «метафизические системы вольного правления» не вызывали у него враждебности и увлечение ими пылким умом благородного человека он склонен был извинять, хотя попытки практического их осуществления им безусловно осуждались (необходимо сделать скидку на характер адресата и цель письма — оправдать в глазах петербургского правительства молодого вольнодумца, о котором Екатерина II получила неблагоприятные сведения): «Он имеет честной благородный нрав и преисполнен благодарности к Государыне, но в то же время я усматривал в нем, что острой и надмерно пылкой его Разум помрачал иногда его рассуждение и что безразборное чтение энциклопедических <так, — Ю. Л.> авторов и собеседие (во время его путешествия, когда он объезжал Европу) с Реналом, Кондорсетом и другими подобными ввело его в метафизические системы вольного правления, кои он не рассудил, что на действии они совсем не те, кои в умствовании ему кажутся». ³⁷ Следует отметить, что письмо это, написанное осенью 1792 г., отнюдь не соответствовало настроениям, царившим в это время в официальных кругах Петербурга. Но более существенно другое: относясь к французской революции с осуждением, он считал ее событием великим и неизбежным. Через два дня после процитированного письма Безбородко, 2/13 сентября 1792 г., он писал А. Р. Воронцову: «Франция не успокоится до тех пор, пока ее гнусные принципы не пустят корней и на этой земле; несмотря на превосходную конституцию здешней страны, зараза возьмет верх. Это, как я вам уже сказал, — война не на жизнь, а на смерть между теми, которые ничего не имеют, и владельцами собственности, а так как последних гораздо меньше, то в конце концов они неизбежно погибнут. Зараза станет всеобщей». Далее, говоря о неизбежности революции в России, он пишет: «Мы ее не увидим, ни вы, ни я; но мой сын ее увидит. Поэтому я решил обучить его какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному, чтобы, когда его крепостные скажут ему, что они его больше не хотят знать, а что земли его они разделят между собой, он мог зарабатывать себе на жизнь честным трудом и иметь честь сделаться одним из членов будущего пензенского или дмитровского муниципалитета». ³⁸

Глубокое убеждение в том, что, согласно Монтескье, деспотизм порождает анархию, а анархия — деспотизм, заставляло С. Р. Воронцова видеть средство предотвращения революции в России в устранении деспотизма Екатерины II. Надежды на Павла не были ему чужды.

Карамзин был принят С. Р. Воронцовым не как случайный приезжий: он многократно у него обедал в Лондоне, бывал на

³⁷ ЛОИИ АН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 20—20 об.

³⁸ Архив кн. Воронцова. М., 1876, т. 9, с. 267—269 (оригинал по-французски).

даче в Ричмонде, писал стихи его сыну Мишеньке и слушал, как Воронцов читает оды Ломоносова. Однако вряд ли разговоры их ограничивались одной поэзией. Возможно, что именно через С. Р. Воронцова Карамзин завязал связи с гамбургским журналом «Spectateur du Nord»: с начала 1797 г. послом России в Гамбурге стал И. М. Муравьев, с которым Воронцова связывали прочные узы единомыслия.

Итак, хотя основное внимание Карамзина во время путешествия было, бесспорно, привлечено к европейским делам, новым знакомствам и связям с разнообразными деятелями западной культуры и общественной жизни, на протяжении всего путешествия четко просматривается нить русских связей, за которыми вырисовываются контакты с определенными кругами русской оппозиции: Зиновьев — Кутузов — Воронцов и рядом с ними Лафатер и Сен-Мартен с их прочными связями с монбелярским двором, матерью Марии Федоровны, с самой Марией Федоровной. А это был единственный канал, через который можно было проложить дорогу к находящемуся под неусыпным надзором Павлу Петровичу.

В этой связи получает объяснение «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», которую написал Карамзин в 1796 г. Ода полна актуальных намеков и представляет собой интересную программу, в которой выражены надежды, возлагаемые на Павла критиками политики его матери. Здесь следует отметить и многозначительный намек на незаконность длительного устранения Екатериной Павла от власти (попутно — опровержение слухов об акте лишения Павла наследственных прав на престол):

Итак, на троне Павел Первый?
Венец российские Минервы
Да в но (разр. моя, — Ю. Л.) назначен был ему...

Далее недвусмысленно указывается на необходимость твердых законов, т. е. конституции:

Он хочет счастья миллионов,
Полезных обществу законов,

судебной реформы, смены государственного руководства с тем, чтобы была «отверста мудрым дверь», процветания наук и искусств (Карамзин, притесненный в последние годы царствования Екатерины II, конечно, думал о цензуре) во внутренних делах и утверждения мира как основы внешней политики. Ода не случайно — единственный пример во всем творчестве Карамзина! — написана в ломоносовской традиции как программа и поучение царям. Не о таком ли предназначении поэзии говорил Карамзину С. Р. Воронцов, когда читал ему в Лондоне Ломоносова?

В свете такого отношения к Павлу I в 1796—1797 гг. — смеси надежд и поучений — приобретает особый интерес одна оставшаяся до сих пор не замеченной статья, в авторстве которой у нас есть сильные основания подозревать Карамзина.

Журнал «Spectateur du Nord», выходящий во второй половине 1790-х гг. в Гамбурге на французском языке, был специфическим изданием. Хотя журнал выходил за пределами Франции, он не был по характеру «контрреволюционным». Это издание занимало «сменовеховскую» позицию: оно ставило целью примирить умеренную и реалистическую эмиграцию с Францией. Одновременно журнал стремился ознакомить французского читателя с культурно-литературной жизнью северной Европы: в нем печатались статьи об английской, немецкой, русской и пр. литературах. Умеренная политическая позиция журнала привела к тому, что первые годы он беспрепятственно распространялся во Франции.

«Русский» раздел журнала имеет совершенно специфический вид: он весь посвящен творчеству Карамзина и не упоминает каких-либо других русских писателей. Кроме переводов и исключительно комплиментарного отзыва о сочинениях Карамзина журнал опубликовал статью Карамзина «Lettre au Spectateur sur la littérature russe», содержащую ряд исключительно важных для позиции Карамзина положений. Авторство Карамзина для этой статьи было установлено после публикации Я. Гротом и П. Пекарским «Писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». Здесь в письме от 16 ноября 1797 г. содержалось следующее признание: «Издатель французского „Северного Зрителя“ требовал от меня чего-нибудь. Я послал к нему: Un mot sur la littérature russe. Письмо мое напечатано в Октябре месяце журнала».³⁹ Я. Грот и П. Пекарский опубликовали в приложении текст статьи по копии, снятой в Париже В. С. Порошиным, поскольку «в петербургских библиотеках не имеется экземпляра»,⁴⁰ и заверили читателей, что статья «перепечатана здесь со всею точностью».⁴¹ Последнее сообщение неточно: статья перепечатана с погрешностями, одна из которых по крайней мере существенно меняет смысл высказывания. Однако важнее другое: категорическое заявление Я. Грота и П. Пекарского полностью пресекло попытки рассмотреть журнал за пределами их публикации. Между тем в библиотеках СССР нами обнаружены по крайней мере два комплекта журнала: в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (из собрания бывш. Румянцевской библиотеки) и в библиотеке Тартуского университета (неполный экземпляр).

Просмотр всех номеров журнала позволил обнаружить еще одну статью, посвященную России. Статья эта опубликована в том

³⁹ Письма Н. М. Карамзина к П. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 82.

⁴⁰ Там же, с. 044.

⁴¹ Там же, с. 0186.

же № 2 (февральском) за 1797 г., где был напечатан перевод «Юлии» Карамзина «Julie, nouvelle traduit du russe de Mr. Karamzin par. Mr. de Boulliers».⁴² По содержанию очевидно, что статья эта прислана в журнал из России (на это же имеется и прямое указание редактора). Под статьей стоит подпись «Путешественник» (Un Voyageur). Следует отметить, что прозвание «Путешественник» в это время прочно укрепилося за Карамзиным и не требовало пояснений. Когда автор анонимной сатиры «Галлоруссия» писал:

Он: ... Вот путешественник, что кистию своей
Французолобие в нас вечное посеял.

Я: При всем том грубый штиль и славянизм развеял,⁴³

то читатель не нуждался ни в каких дальнейших пояснениях. Итак:

1. Исключительность связей Карамзина с этим журналом,
2. Подпись под статьей,
3. Содержание статьи, тесно связанное с тем аспектом его позиции в вопросах «реальной политики», о котором мы говорили выше, — заставляют нас предположить авторство Карамзина.

Для того, чтобы последнее соображение приобрело убедительность, приведем эту статью в русском переводе (перевод наш):

Письмо в «Зритель» о Петре III

Г-н Зритель!

.....⁴⁴
Вы открываете в Вашем журнале, так сказать, многие двери для всего того, что может быть интересно или поучительно: я заметил одну, через которую охотно проникли бы благонамеренные обозреватели, принося разнообразные дани мудрых и острых мыслей и живые, одушевленные картины, которыми так прославлен «Английский Зритель» — драгоценный сборник, в котором Англия находила столько приятных уроков вкуса и полезных наставлений в нравственности. Правда, что превосходные авторы этого издания не оставили ни в одной стране последователей. Но, хотя

⁴² Глухое указание на этот перевод, без точной библиографической справки, было сделано В. Сониковым и повторено С. Пономаревым (см.: Пономарев С. Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. СПб., 1883, с. 12), однако не привлекло внимания дальнейших исследователей.

⁴³ Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971, с. 785.

⁴⁴ Многозначие объясняется следующим редакторским примечанием в начале статьи: «Публикуя в этом журнале обращенные ко мне письма, если они входят в начертанный мною план журнала, я сохраняю за собой право исключать то, что ему не соответствует, и, в особенности, похвалы в мой адрес. Сколь бы они мне ни льстили, мне представляется непристойным быть их издателем. Именно из этих последних соображений я позволил себе убрать первый абзац публикуемого ниже письма. Оно прислано нам некоей особой, которая живо разделяет проявленное Павлом I желание реабилитировать память своего несчастного отца».

кажется, что Французская республика разрушила республику словесности, еще имеюся писатели, способные вместе с вами выполнять эту часть ваших намерений. В ожидании их появления примете ли вы краткую заметку правдивого путешественника? Ваши читатели потерпят ее за необычность и в силу обстоятельств.

O caecae hominum mentes...⁴⁵

Иногда следовало бы изображать Славу, как и Фортуна, с завязанными глазами. Она торопится распространять то, что только что узнала, и сама ее скорость препятствует ей видеть и уточнять детали сведений, которые она распространяет, детали, без которых невозможно хорошо понять и оценить факты. Если каждому возможно прийти к этому заключению в условиях самых обыкновенных, то наибольшей меры истинности оно достигает в обстоятельствах, касающихся вельмож и царей, которые как бы бронзовой стеной укрыты от взоров истины. Прошло более тридцати лет с той поры, как печальной памяти Петр III сошел в могилу; и обманутая Европа все это время судила об этом государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников. Строгий суд истории, без сомнения, его упрекнет во многих ошибках, но та, которая его погубила, звалась — слабость. Он получал разнообразные указания на заговор, который плелся против него: покойный посол Пруссии граф Гольц многократно его предупреждал об этом от имени своего государя: «Если вы хотите быть в числе моих друзей, не говорите мне более об этом», — отвечал он графу Гольцу.

Между тем заговор разразился. Низкие орудия мятежа и предательства, которые еще накануне звались его гвардией, в боевом порядке двигались по дороге на Ораниенбаум,* где он тогда находился с частью своего двора. При этом известии император, слишком поздно выведенный из заблуждения, смутился и растерялся. Напрасно храбрый и верный полк гольштинцев предлагал ему идти навстречу мятежникам и, если потребует, умереть за него. Он не осмелился поверить своим защитникам, число которых, действительно, не соответствовало опасности.

Кронштадтский порт, куда нельзя пройти по суше, казался ему более надежным прибежищем. В сопровождении своего двора он прибыл ко входу в порт и потребовал, чтобы ему открыли барьеры. Назвав себя, он получил ужасный ответ: «Императора больше не существует!» Ему даже пригрозили пустить на дно яхты, если они немедленно не выйдут в открытое море. Яхты подчинились, они принялись блуждать в широком устье Невы. Кто поверил бы, что в этот печальный момент одна из дам, сопровождавших императора, решилась пародировать остроу из комедии: «За каким чертом пошли мы на эту галеру?» История не должна упускать подобных черт — они рисуют многое в малых словах.

Самодержец всея России не находил аршина земли, на который он мог бы беспрепятственно поставить свою ногу. Престарелый маршал Миних, прославленный своими победами, двадцатилетней ссылкой в Сибири и уважаемый за свой великий ум, ему предлагал поднять паруса и отправиться в Германию, где ему было бы легко собрать огромную армию, во главе которой он смог бы в несколько месяцев вернуться в свою империю триумфатором и основать свою власть на надежном фундаменте силы. Петр III, погруженный в дучину своих мыслей, видел в этом проекте только трудности; он колебался, и вскоре ему блеснула надежда полюбовной сделки — он за нее ухватился и избрал тот единственный путь, которого ему следовало избегать: он сдался своим врагам.

Государь, который уже не был более государем, вскоре после этого подписал в тюрьме акт своего отречения. Можно ли его осуждать — это было сделано под угрозой силы и преступления. Говорят, что Петр III должен был предпочесть смерть такому унижению — многие люди имеют

⁴⁵ О слепота человеческих мнений! — (латинск. — ред.).

* Замок, находящийся в устье Невы, напротив Кронштадта.

жестокую склонность сурово судить несчастья, которые им самим никогда не могут грозить. Сердце Петра III не могло подозревать предательства: он, без сомнения, надеялся, что насилие этим ограничится и что раскаяние или время рано или поздно изменят его участь... Оборванным рассказ на ужасной катастрофе, которая его увенчала.

За время своего краткого царствования он довел до предела свое восхищение Фридрихом Великим, но это восхищение перед столь могущественным государем может быть осуждено лишь за его преувеличения. Те же, кто его знал, могли оценить его редкую доброту. Она была полезна России: благодеяния, действие которых не прекращается, требуют за себя вечной благодарности.

Екатерина II взшла на царство, и слава ее наполнила мир. Философы были глашатаями этой славы. Друг истины не должен против этого возражать. Но разве ему не позволено счесть число мужчин, женщин и детей, которые заплатили жизнью за тридцать лет этого славного царствования в Польше, Швеции, Турции, Персии и более всего в России? Он пытается счесть ужасное число этих жертв и находит их столь же бесчисленными, как и количество ассигнаций, — мрачное свидетельство богатств, поглощенных блеском этого прекрасного царствования.

Примите и проч.

Путешественник.⁴⁵

Статья примечательна во многих отношениях. Петр III избран в качестве ее героя не случайно: такие законодательные акты его правительства, как указ о вольности дворянской, уничтожение тайной канцелярии, прекращение гонений на старообрядцев, создали ему популярность в самых различных слоях населения. Последнее обусловило то, что имя его было присвоено рядом самозванцев, два первых вызвали в 1803 г. слова Карамзина: «Я, как русской и дворянин, желал видеть место, которое нравилось Петру III: он подписал два указа, славные и бессмертные!»⁴⁷

В уничтожении тайной канцелярии видели меру по замене произвола законностью. На смену жестокому веку Петра, когда «жестокое обстоятельство заставило <...> прибегнуть к жестокому средству», когда исторический прогресс сочетался с деспотизмом и беззаконием, должен прийти век просвещенной мягкости прав и законности. В специальной заметке «О тайной канцелярии» Карамзин писал: «Я чувствую великие дела Петровы и думаю: „Счастливы предки наши, которые были их свидетелями!“ однако ж — не завидую их счастью!»⁴⁸

В указе же о вольности дворянства видели зародыши русской конституции. Следует помнить, что инициатива этого акта приписывалась отцу братьев Воронцовых.⁴⁹

⁴⁵ Le Spectateur du Nord, 1797, N 2, p. 282—288. Журнал вообще относился с симпатией к Павлу I, хотя и предупреждал его, что «вынешние люди не могут быть управляемы, как люди двенадцатого века». В № 3 была опубликована рецензия на вышедшую в Париже неблагоприятную для Екатерины II книгу: Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797.

⁴⁷ Путешествие вокруг Москвы. Цит. по кн.: Карамзин Н. М. Соч. СПб., 1848, т. 1, с. 451.

⁴⁸ Там же, с. 425.

⁴⁹ См.: Щербатов М. М. Соч., т. II, стб. 224. В приведенной статье примечательны и ряд частных совпадений с позицией Карамзина. См., наприм-

В 1797 г. в «Письме» в «Spectateur du Nord» Карамзин говорил о том, что «французская нация прошла все ступени цивилизации для того, чтобы постичь точки, на которой она ныне находится». ⁵⁰ Далее он обращает внимание на «быстрый полет нашего народа к той же цели». ⁵¹ Из сказанного, конечно, не следует, что Карамзин ожидал в России повторения парижских событий. Однако из этих слов с очевидностью вытекает, что для Карамзина Франция и в годы революции оставалась эталоном цивилизации и мериллом прогресса. Высказанная здесь точка зрения весьма близка к «Очерку исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе. Карамзин, очевидно, был знаком с Кондорсе в Париже, осведомлен об обстоятельствах его гибели ⁵² и, вероятно, ознакомился с этим, посмертно опубликованным итоговим произведением французского Просвещения. Основной концепции Кондорсе была вера в единство путей человеческого разума и безостановочность его прогрессивного шествия. С этой точки зрения любые кровавые и трагические эпизоды человеческой истории выглядели как «эксцессы», которые не могут лишить философа его оптимистической веры в Разум.

Однако вера в успехи цивилизации и совершенствование человека, к которой у Карамзина всегда примешивалась доля утопизма, ⁵³ не исключала стремления к политическому реализму, когда вопрос касался не абстрактно-философских, а конкретных проблем современной ему России. В этом отношении сближение Карамзина с С. Р. Воронцовым достойно серьезного внимания.

Последние два десятилетия царствования Екатерины II были отмечены широким недовольством, захватившим всю толщу общества. Конечно, реальные интересы и идеологические представления тех, кто ждал крестьянского царя, имеющего право сказать: «Всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан», ⁵⁴ — и просвещенных оппозиционеров типа адмирала П. В. Чичагова, писавшего: «Грязнейшее гнездо рабства находится в так называемом русском дворянстве. Конституционно в бедном моем отечестве одно лишь крепостничество, потому что это — единственное состояние, согласующееся с естественными наклонностями этой нации, коим дворянство служит истинною порукою», ⁵⁵ — были разделены глубокой чертой.

Однако в последние годы полновластия Потемкина и, особенно, в период фавора П. Зубова общественная опора правительства

мер: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 50.

⁵⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 478.

⁵¹ Там же.

⁵² Доказательства знакомства Карамзина и Кондорсе см. в кн.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника* (в печати).

⁵³ «Утопия будет всегда мечтою доброго сердца», — писал он в «Письмах русского путешественника» (382).

⁵⁴ Пугачевщина, том первый, из архива Пугачева (манифесты, указы, переписка), Центрархив. М.; JL, 1926, с. 36.

⁵⁵ Архив адмирала П. В. Чичагова. СПб., 1885, вып. 1, с. 45.

значительно сузилась. Оттенки, разделявшие правительственных критиков различной ориентации, стали казаться менее существенными, а объединявшее их отрицательное отношение как к личности Екатерины II, так и к созданной ею системе, — основным и главным. Оппозиционные настроения захватили и правительственные верхи. Особенно они ощущались в среде русских зарубежных дипломатов. В этом сказывалась и традиция долгое время руководившего дипломатическим корпусом Н. Панина, и экстерриториальность положения, дававшая возможность обсуждать вопросы, которые в России оставались запретными даже для вельмож высшего ранга.

Следует отметить, что интересы практической политики в последней трети XVIII в. неоднократно сближали передовых общественных деятелей с оппозиционными вельможами: разница программ и убеждений показалась менее существенной, чем общность практического неприятия правительственного деспотизма. Дружба Фонвизина и Панина,⁵⁶ Радищева и А. Р. Воронцова была фактом идейной жизни XVIII в., а не только фактом их биографий (в определенном смысле можно сказать, что Державин слил в своем лице оба элемента этого типологического союза). В этом же ряду следует рассматривать сближение Карамзина и С. Р. Воронцова.

С. Р. Воронцов был, бесспорно, самой выдающейся фигурой среди русских оппозиционных дипломатов, и одно время казалось, что ему предназначено крупное место в организации антидеспотического фронта. Образованный, много путешествовавший, блестящий собеседник, независимый в мнениях и следящий за всеми новинками публицистики 1790-х гг., С. Р. Воронцов в обществе доверенных лиц не скрывал своего критического отношения к положению политических дел в России. Его слово много значило в кругах, оппозиционных Екатерине II, а позже к нему явно тяготела группа «молодых», сплотившихся при Павле вокруг наследника престола. Отправляя своего сына — М. С. Воронцова в Россию, он снабдил его письмом, в котором выразил свое политическое кредо: русский деспотизм не отличается от турецкого. Не следует обольщаться добротой нового царя (письмо писано в апреле 1801 г.) — не личная доброта, а непрременные законы могут гарантировать от деспотизма: «Современное положение страны есть лишь временное облегчение от тирании, и наши соотечественники похожи на римских рабов во время сатурналий, после которых они снова становились рабами».⁵⁷

Деспотизму Екатерины II братья Воронцовы склонны были противопоставлять подчеркивание положительных моментов в цар-

⁵⁶ См.: *Гуковский Г. А.* Фонвизин. — В кн.: История русской литературы. М.—Л., 1947, т. IV, с. 159—174; *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин. М.; Л., 1964, гл. VI и IX. Соотношение воззрений Радищева и А. Р. Воронцова и характер их дружбы еще ждут исследования.

⁵⁷ Архив кн. Воронцова. М., 1780, кн. XVII, с. 6.

ствовании Петра III и надежды на наследника Павла Петровича. Известно, что Семен Романович в 1762 г., служа в лейб-гвардии Преображенском полку, пытался удержать полк на стороне Петра III. А. Р. Воронцов в записке, поданной в 1801 г. Александру I, подчеркивал, что указы Петра III о вольности дворянской и уничтожении тайной канцелярии, а также отмена монополий дают ему право на благодарность потомков. В противовес этому подчеркивалось, что «образ вступления на престол <Екатерины II, — Ю. Л.> заключал в себе многие неудобности, кои имели влияние и на все ее царствование». Перечисляя политические грехи бабки Александра («по сердцу и уму» которой новый император обещал править), А. Р. Воронцов заключал, что «люди едва ль уже не желали в 1796 году скорой перемены».⁵⁸

Нельзя не заметить единства в позиции Воронцовых и «Путешественника», опубликовавшего статью в «Северном зрителе».

Надежды на Павла Петровича распространены были в самых различных общественных кругах. В 1770-е гг. в гвардии поговаривали: «Долго ли это будет? Надобно ее с престола свергнуть, а цесаревич уже в летах».⁵⁹ В 1771 г. поднявшие на Камчатке восстание ссыльные во главе с Беневским «привели жителей к присяге императору Павлу», захватив галиот, подняли императорский флаг и назвались «Собранною компаниею для имени его императорского величества Павла Петровича».⁶⁰

Однако не только народ, не только низы гвардии, но и Фонвизин, и Н. Панин, С. Р. Воронцов, и Карамзин, а также Новиков и его друзья возлагали на Павла надежды. Основой для них была вера в то, что воспитанник Панина заменит безграничное самодержавие конституционным правлением.

Можно высказать предположение, что «лучшие места из од Ломоносова», которые С. Р. Воронцов читал Карамзину наизусть (530), включали в себя и отрывки из од 1762 г. С. Н. Чернов, анализируя политический смысл этих деклараций Ломоносова, с основанием заключал: «В строфах 18 и 22 Екатерина могла вычитать и другое — угрозу судьбою Петра III, — на случай, если она вопреки своим обещаниям и надеждам поэта не станет любить своих „верных рабов“ и их „веру“ и даст им „тесноту“ вместо „льгот“».⁶¹

Сближение Карамзина с С. Р. Воронцовым и участие в «Северном зрителе» включало его во фронт реальных политиков. В этой же связи следует рассматривать и оду Павлу I.

Активности этой не суждено было развиваться: царствование Павла I шло иначе, чем предполагали сторонники «твердых за-

⁵⁸ Там же, 1883, кн. XXIX, с. 451—470.

⁵⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб. [Б. г.], кн. VI, стб. 1057.

⁶⁰ Там же, стб. 1058—1059.

⁶¹ Чернов С. Н. М. В. Ломоносов в одах 1762 г. — В кн.: XVIII век, Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935, с. 180.

конов». Кругок С. Р. Воронцова распался — измена ловкого карьериста Ф. В. Растопчина ознаменовала конец надежд на активную политическую роль С. Р. Воронцова при новом императоре. Цензурные стеснения парализовали писательскую деятельность Карамзина. События эти оказали на Карамзина воздействие: политик перерожден в историка.

Переход этот был подготовлен.

Приведенная статья о Петре III интересна и с психологической стороны не меньше, чем с идеологической. Именно отразившиеся в ней настроения позволяют поставить ее у истоков деятельности Карамзина-историка.

Резкая смена двух царствований сопровождалась глубоким психологическим шоком. В последние годы царствования Екатерины II официальное ее восхваление приняло формы безудержной и ничем не ограниченной лжи. Эта ложь приняла характер обязательного ритуала. Смерть императрицы принесла отрезвление. Многие из того, что еще вчера подлежало прославлению, предстало в истинном и далеко не привлекательном виде. Результатом этого был призыв к истине и призыв к совести. Фигурой, противоположной придворному льстецу (а с ней сливалась и дискредитированная фигура придворного поэта), становился независимый историк. Ему приписывалась задача пересмотра утвердившихся репутаций, разоблачения официальных легенд. В «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» (1803) Карамзин писал: «Что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого рода святынею; и робкий историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом, история делается иногда эхом злословия. . . Мысль горестная! Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести. . . Что, если мы клеветем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?»⁶²

Историческая задача критики источников сплетается с нравственной целью восстановления правды и разоблачения официальной лжи. Этим определяется поза историка-гражданина и одновременно политика-реалиста, сменившая во второй половине творческой жизни Карамзина привычную уже для читателей маску чувствительного путешественника.

⁶² Карамзин Н. М. Соч., т. 1, с. 486—487.